

5. Этика/ Аристотель; пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер; вст.ст. Ф.Х. Кессиди; прим. Н.В. Брагинской, В.В. Библихина.-М.:АСТ: Астрель, 2011.-492с.

Мотовникова Е.Н.

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.Н. СТРАХОВА

В русском публицистическом процессе XIX века славянский вопрос является сквозным и трудным для всех его участников. Никак не мог его обойти и Н.Н. Страхов, один из крупнейших русских публицистов, вступивший на поприще литературно-художественной критики на рубеже 50-60-х гг., в то время, когда публицистическая мысль была проникнута разного рода социально-философскими настроениями и интенсивно развивалась именно философски. Н.Н. Страхов предпочитал усматривать общие смыслы славянского вопроса в понятиях органической диалектики, склонность к которой он особенно выказывал в общении с философски близким ему А.А. Григорьевым¹². Принимая активное участие в борьбе за признание читающей и мыслящей публикой почвеннического направления в развитии русской литературы и русской философской публицистики, Н.Н. Страхов выступал с полемическими статьями в журналах «Время» и «Эпоха». Статьи эти писались с позиции самобытности органического развития прежде всего русского славянского народа и направлялись как против европоцентричных западников, так и против весьма авторитетных в те годы славянофилов, в чьих взглядах вскрывались слабости и ошибки. По существу, основания этих позиций оставались для Страхова незбылемыми всю жизнь.

«...Искусство по самой своей сущности национально. Самое творчество заключается главным образом в создании типов, то есть образов, представляющих нам определенный, органически-цельный, и следовательно носящий на себе печать известной народности, склад душевной жизни. <...> Критику, которая рассматривает искусство в такой тесной связи с жизнью и видит в нем не какое-то простое отражение жизни, а ее руководящий орган, Ап. Григорьев называл органическую <...> Отвлеченное требование

¹² Еще в 1858 г. Ап. Григорьев настаивал на истинности шеллингианского тезиса: «Развиваются - если можно уже употребить теперь это слово - народные организмы, нося в себе следы более или менее отдаленной принадлежности к первоначальному единству рода человеческого, единству не отвлеченному, моменту необходимо существовавшему. Каждый таковой организм, так или иначе сложившийся, так или иначе видоизменивший первоначальное предание в своих преданиях и верованиях, вносит свой органический принцип в мировую жизнь. <...> Каждый таковой организм сам в себе замкнут, сам по себе необходим, сам по себе имеет полномочие жить по законам, ему свойственным, а не обязан служить переходною формою для другого; единство же между этими организмами, единство неизменное, никакому развитию не подлежащее, от начала одинаковое, есть правда души человеческой». [1]

народности от литературы есть мысль очень простая; наши славянофилы, выходя последовательно из своих начал, давно и твердо ее заявили, и пытались с этой точки зрения анализировать нашу литературу. Но они обыкновенно приходили к тому, что, за немногими исключениями, отрицали самостоятельность и, следовательно, народность наших художественных писателей. Таким образом от глаз этих мыслителей ускользнуло именно то, что должно бы их всего более радовать; они не видели, что борьба своего с чужим уже давно началась, что искусство, в силу своей всегдашней чуткости и прозорливости, предупредило отвлеченную мысль. Наша литература есть драгоценное и высокое явление нашей жизни; поэтому разгадать внутреннюю силу ее развития, смысл ее движения есть глубокая и важная задача» [2]. Не будет преувеличением сказать, что выполнению этой задачи Н.Н. Страхов посвятил всю свою жизнь, что «знамя» «борьбы своего с чужим» в литературе, как, впрочем, и в науке, в общественной и творческой жизни было его единственным «знаменем».

И так же верен он остался принципам григорьевской органической критики, указывающей на бесплодную ограниченность западного рационалистического теоретизма и на утопичность славянофильских проектов возрождения допетровской Руси. «Бедна наша литература, и скудно наше умственное развитие; но всего прискорбнее то, что мы вечно, то с той, то с другой точки зрения, плюем на эту литературу и на это развитие. <...> Ее содержание, ее стремления и задачи гораздо обширнее и важнее, чем думают многие ценители; западники находят ее славянофильской, славянофилы - западнической; но она ни то ни другое» [3].

Особую сложность выполнения взятой на себя серьезной задачи выявления специфики славянского национального духа составляли для Н.Н. Стрехова внешние и внутренние ограничения свободы выражения мыслей, от чего он не мог или не хотел уклониться: жесткая политическая цензура, статус государственного чиновника, понятийно и логически строгое научное мышление, довольно грубые нравы журнальных полемистов 60-70-х гг. и т.п. Писать одновременно честно, глубоко и занимательно в таких условиях было весьма непросто. Н.Н. Стрехова неоднократно упрекали в неискренности, недосказанности, избытке критики, требовали простого и ясного провозглашения своей положительной программы. Он вполне понимал истоки этих упреков и требований, неготовность, неумение большей части читательской аудитории мыслить и домысливать самостоятельно, признавал свою обреченность быть писателем «для немногих»: «У нас совершалась и совершается темная и таинственная история борьбы неясных начал с ясными, зачатков с развитыми формами. Смысл этой борьбы будет нам вполне ясен только тогда, когда она кончится, когда наступит примирение и в нем обнаружится, чего искали, к чему стремились борющиеся силы» [3]. В отсутствие примирения, в обстановке потакания газетных и журнальных редакций вкусам разобщенной, разбившейся на партии публики Н.Н. Стрехов вынужден был скрывать самые главные свои

мысли о высших духовно-религиозных началах национальной русской и славянской самобытности, беречь их от поругания с разных сторон. Для того чтобы высказаться хоть намеком, он использовал форму критики, в основном, рецензии на социально-исторические статьи и книги, выходящие в Европе и России.

Интересный случай в этом роде представляет небольшая статья Н.Н.Страхова «Славянофильство и Гегель» (1864), из серии статей в «Эпохе» под общим заглавием «Заметки летописца» [см.: 4]. Большую часть объема этой статьи занимает перевод письма П.Я. Чаадаева Фр.В. Шеллингу о том, что славянофильство в России является производным от влияния гегельянства. Очень аккуратно Страхов замечает, что, «конечно, верно и не подлежит никакому сомнению, именно, что славянофильство развилось у нас под влиянием немецкой философии, хотя может быть не исключительно под влиянием Гегеля, как полагает Чаадаев» [4]. И тут же переакцентирует внимание на важное обстоятельство такого влияния и еще более важные следствия из него: «как скоро речь пойдет о народе, понимаемом не как простое скопление человеческих неделимых, то уже по словам видно, откуда мы взяли форму для этих мыслей. Тут непременно будет- органическое целое и развитие, самобытность и заемные формы, народный дух и его проявления и др. Одним словом мы не можем говорить о народе иначе, как словами или прямо немецкими, или переведенными с немецкого, т. е. мы употребляем философские категории, выработанные и разъясненные немцами. Своих слов у нас для этого нет. <...> Чистые голые формы, от которых содержания несколько не зависит, можно заимствовать с полным правом. Поэтому философия, рассматриваемая с формальной стороны, как метода как приемы мысли, составляет такое же общее достояние, как и математика. Никак нельзя этого сказать о нашем расположении понимать политическую жизнь по французским или даже по английским образцам. Формы политической жизни тесно сливаются с самым содержанием, с историческою индивидуальностью народа, которому они принадлежат» [4].

Много лет терпеливо и настойчиво разъяснял Н.Н. Страхов необходимость и неизбежность развития национального самосознания, чаще всего возвращаясь к популярному спорному вопросу об ученичестве и подражательстве. Надо ли России учиться у Европы? Можем ли мы обустроить свою жизнь по западному образцу?

«Мы ученики Запада, в этом нет сомнения. Но люди, стоящие за прогресс и всяческое развитие... не хотят, чтобы мы когда-нибудь перестали быть учениками <...> Так в школе преследуются обидами и насмешками ученик, решившийся иметь свое мнение, независимое от того, чему учит любимый и уважаемый наставник. ...Этот спор все-таки составляет важнейший и важнейший вопрос самой школы; ибо все учение напрасно, вся школа не имеет смысла, если ученикам суждено вечно оставаться учениками, если они никогда не дорастут до самостоятельности и зрелости. Собственно говоря, вопрос о нашей самобытной духовной жизни, о

том отношении, в которое мы должны поставить себя к громадному и блистательному авторитету Европы, есть самый существенный из наших вопросов. Он давно был поднимаем, принимал различные формы, постепенно зрел и раскрывался, и умереть и заглохнуть ему так же невозможно, как невозможно ребенку перестать расти, хотя этого иногда и желали бы некоторые чересчур усердные педагоги» [5]. «Европейское просвещение, этот могущественный рационализм, это великое развитие отвлеченной мысли, должно быть для нас побуждением и средством к такому сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов <...> Гонимая за европейским просвещением большею частью из легкомыслия и тщеславия, мы забываем обязанность всякого разумного человека - быть самостоятельным в своих суждениях» [6].

Славянский вопрос в публицистике Н.Н. Стрхова стал поистине «роковым» испытанием - и по трудности его изложения, и по проблематичности разрешения, и по последствиям прямых подступов к нему Н.Н. Стрхова для жизни самого писателя. В результате публикации «Рокового вопроса» в разгар польского восстания 1863 г. под удар попал и остался без работы не только сам Н.Н. Стрхов, но рухнул весь успешный проект журнала «Время». С другой стороны, именно попытки разоблачить в обстоятельствах этой печальной истории привели к сближению Н.Н. Стрхова с И.С. Аксаковым, к сотрудничеству с аксаковской «Русью», к искренней и глубоко содержательной переписке, из которой мы получаем уникальные сведения и признания Н.Н. Стрхова, каких нет и не могло появиться даже в его письмах к Л.Н. Толстому [См.: 7]. Именно для «Руси» написал Н.Н. Стрхов критический разбор «Французской статьи об Л.Н. Толстом» (1884) [см.: 8], в которой максимально ясно высказался о христианской основе русской народной нравственности и т.д. Отдельная тема - участие Стрхова в деятельности Славянского общества. Осмысление славянского вопроса у Н.Н. Стрхова предполагало интенсивный диалог, «совместное мышление» со своими старшими и младшими современниками. Целостность и открытость страховских размышлений по славянскому вопросу была поучительной в свое время и до сих пор остается образцом ответственного философского мышления.

Список литературы

1. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0390.shtml Дата обращения: 28.11.2012.
2. Стрхов Н.Н. Предисловие // Сочинения Аполлона Григорьева. Том первый. Изд. Н.Н. Стрхова. СПб., 1876. С. III-IV, VIII.
3. Стрхов Н.Н. Бедность нашей литературы (1868) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/strahow_n_n/text_0070.shtml Дата обращения: 28.11.2012.

4. Страхов Н.Н. Заметки летописца. «Эпоха». 1864. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0380olddorfo.shtml Дата обращения: 28.11.2012.

5. Страхов Н.Н. Западничество и славянофильство // Страхов Н.Н. Критические статьи (1861-1894). Том 2. Изд. И.П. Матченко. Киев, 1902. С. 156-157.

6. Страхов Н.Н. Предисловие к первому изданию 13 января 1882 г. // Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. первая. 2-е изд. СПб., 1887. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/1887_predislovie.shtml Дата обращения: 28.11.2012.

7. И.С. Аксаков - Н.Н. Страхов : Переписка / переписку составила М.И. Щербакова. - Группа славянских исследований при Оттавском университете и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН - Оттава, 2007.

8. Страхов Н.Н. Французская статья об Л.Н. Толстом // Критические статьи об Тургеневе и Толстом (1862-1885). 2-е изд. СПб., 1887. С. 458-484.

Моторина И.Е.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В современном мире царит хаос. Затянувшийся финансовый кризис затронул не только Америку, Западную Европу, но и страны Восточной Европы, потряс всю мировую экономику. Люди хотят стабильности, уверенности в завтрашнем дне. С одной стороны, все большую значимость приобретают процессы глобализации. С другой, растут сепаратистские тенденции. Поэтому проблема гармонизации межнациональных отношений столь важна на сегодняшний день. Глобальная сеть расширила коммуникационные возможности человека. Но в этом глобализирующемся мире уже сам человек становится проблемой. В самом словосочетании «концепция устойчивого развития» брезжит надежда. В данной статье мы попытаемся выяснить, что может дать концепция устойчивого развития для понимания перспектив существования человека в условиях глобализации.

В современную эпоху вопрос взаимодействия культуры и природы приобретает апокалипсический характер, настолько пагубным для биосферы и нашей планеты становится деятельность человека и созданная им техносфера. Бытие в современной техносфере предполагает выявление специфических особенностей образа жизни человека и обратного влияния на него техномира. Человек создает искусственную техническую среду, стараясь вырваться из зависимости от природы. Но в свою очередь попадает в зависимость от созданных им технических объектов. Начиная сказываться побочные последствия научно-технического прогресса, такие как загрязнение окружающей среды и обострение экологической проблемы, утрата здоровья,